

Бай Лисинь и Линь Цзюэ тщательно прошлись по следам на стене один за другим.

Как и стол, стена тоже была покрыта царапинами разной глубины, и все они были залиты кровью.

Бай Лисинь провел пальцами по стене, и ощущение грубого и неровного трения тут же передалось в его мозг.

Он вонзил ногти в метки, слегка согнул пальцы и провел ими по сделанным следам.

Люди, которых держали в этой камере, ушли, но их крики остались в комнате.

Узкая комната была наполнена болью и отчаянием.

Крайняя радость, крайний страх, крайнее отчаяние.

Эмоции в этой копии казались слишком подавляющими, а эта крайность слишком тревожной.

Ногти скользнули по отметинам, пока не приземлились в углу, где Бай Лисинь увидел слабый отблеск света.

Его сердце слегка дрогнуло, и он двинулся в направлении света.

В углу стены отсутствовал камень, оставив брешь. Свет исходил из щели, и когда он подошел, он увидел крошечную цепочку, у которой был виден только конец.

Именно эта цепочка отразила свет фонарика и привлекла его внимание.

Он взялся за конец и осторожно потянул ее.

На другом конце цепочки свисали изящные карманные часы.

И карманные часы, и цепочка были немного ржавыми, но это не сказалось на их красоте.

Бай Лисинь открыл карманные часы. Стрелки часов остановились на 7:00.

На обратной стороне карманных часов была старая круглая фотография.

Фотография была желтой и блеклой, а некоторые места были настолько искажены, что фигуры

можно было узнать лишь смутно.

На фотографии женщина и двое детей.

На женщине было самое простое платье, ее волосы были стянуты назад, а черты лица были прекрасны. Женщина сидела на стуле, а двое детей стояли по обе стороны от нее.

На вид обоим было лет восемь-девять, мальчику и девочке, причем мальчик был немного выше.

Все трое смотрели в камеру. Женщина улыбалась спокойно и изящно, а двое детей очаровательно улыбались, как две благословенные куклы.

«Посмотри на это, — Бай Лисинь подошёл к Линь Цзюэ и показал ему фотографию на карманных часах, — это маленький мальчик?»

Линь Цзюэ посветил фонариком на карманные часы, ясно осветив тусклую фотографию.

Через пару секунд Линь Цзюэ отвел взгляд: «Так и должно быть».

Бай Лисинь: «Что ты имеешь в виду?»

Линь Цзюэ небрежно пожал плечами: «Потому что ты бы тоже догадался, если бы увидел этого мальчика».

Бай Лисинь чувствовал, что в словах Линь Цзюэ было больше смысла, но Линь Цзюэ больше ничего не говорил. Он поджал губы и опустил глаза, явно не желая говорить больше ни слова.

Разговор резко оборвался, и Бай Лисинь больше не обсуждал этот вопрос. Вместо этого он достал небольшую сумку для хранения и положил внутрь карманные часы: «Пойдем?»

Фонарик был сунут обратно в руку Бай Лисиня, и пальцы Бай Лисиня легли на то место, которое только что держал Линь Цзюэ, место, которое было на несколько градусов холоднее, чем остальное.

Было так холодно, что Бай Лисинь физически задрожал.

Бай Лисинь: «Кажется, ты такой холодный».

Линь Цзюэ уже вышел с расправленными плечами. Он стоял в дверях, ожидая Бай Лисиня, и, услышав эти слова, ответил без своего обычного нетерпения: «Здесь ночью очень холодно, как в ледяном погребе».

— Давай, вернемся. Боюсь, этот старик рассердится, если не увидит нас.

Они шли по длинным коридорам и извилистым лестницам и так и не увидели ни одной фигуры.

Бай Лисинь решил проверить остальных. Странно, что Дом Красного Яблока, казалось, заботился о них, но спальни нельзя было закрыть изнутри.

Никакого уединения не было.

Проходя мимо других спален, Бай Лисинь открыл дверь, чтобы заглянуть внутрь, и обнаружил, что все мирно спят. У всех на лицах были улыбки, а их ранее бледные лица покраснели.

Линь Цзюэ также просунул голову внутрь, его волосы случайно задели шею Бай Лисиня, от чего она немного покалывала.

Линь Цзюэ щелкнул языком: «Это лекарство довольно сильное».

Бай Лисинь тайно потер шею и молча вернулся в свою комнату.

Оставалось еще немного времени, и, присев на диван, Бай Лисинь достал из системного рюкзака хрустальный шар.

Хрустальный шар был чуть меньше его ладони, ровно столько, чтобы его можно было держать в руке. Внутри прозрачного хрустального шара кружилось таинственное и глубокое синее море, такое же таинственное и неизвестное, как и сам хрустальный шар.

Бай Лисинь откинулся на мягкий бархатный диван, одна рука лениво играла с хрустальным шаром, а другая лежала на подлокотнике дивана, постукивая по нему, пока его мысли уносились прочь.

— Что это у тебя на шее?

Раздался голос Линь Цзюэ, и Бай Лисинь отбросил свои мысли. Наглый мужчина напротив него прислонился к стене, небрежно закинув одну ногу за другую, его голова слегка наклонилась, когда он указал пальцем на ключицу.

Бай Лисинь моргнул и через две секунды наконец пришел в себя.

Он повернул голову и увидел, что тщательно спрятанный черный отпечаток руки в какой-то момент обнажился.

Бай Лисинь поднял воротник, не краснея, и небрежно сказал: «Ничего страшного, родимое пятно».

"Родимое пятно?" Линь Цзюэ подошел, его высокая фигура прямо блокировала свет перед Бай Лисинем.

Солнечный свет пролился за спину Линь Цзюэ, и то, что должно было быть туманной комнатой с ореолом солнечного света, выглядело очень неуместно на теле Линь Цзюэ.

Его спина была пропитана солнечным светом, но лицо было в темноте.

Положив одну руку на подоконник, Линь Цзюэ наклонился, его высокая фигура полностью окутала Бай Лисиня своей тенью.

Тело медленно опускалось, принуждая себя к Бай Лисиню в очень угнетающей манере: «Позволь мне увидеть, что это на самом деле».

Под изумленным взглядом Бай Лисиня Линь Цзюэ протянул к нему руку.

Но в одно мгновение удивление сменилось холодностью. Бай Лисинь внезапно поднял ногу и ударил ногой в сторону Линь Цзюэ.

Цель была очень четкой.

Полувывянутая рука Линь Цзюэ тут же отдернулась и вместо этого легла на подлокотник дивана. Его длинные и стройные ноги закружились в воздухе и уклонились от атаки Бай Лисиня.

Тон Бай Лисиня стал угрожающим: «Если ты хочешь проверить меня, почему бы нам не быть более открытыми и честными? Если ты ищешь острых ощущений, я могу дать тебе немного прямо сейчас. Кто ты, черт возьми, такой?»

Ботинки Линь Цзюэ топнули по полу, и уголки его рта сомкнулись в циничной улыбке: «Я Линь Цзюэ».

Бай Лисинь: «Поскольку ты Линь Цзюэ, делай то, что должен делать Линь Цзюэ».

Говоря это, он не заметил, как ярко мерцал хрустальный шар в его руке.

Эфирное голубое море кружилось в хрустальном шаре, словно оно было живым.

Лин Цзюэ молчал две секунды и неуверенно спросил: «Что бы Линь Цзюэ сделал?»

Бай Лисинь: «.....»

У тебя все еще хватило наглости сказать, что ты Линь Цзюэ!

Ты действительно думал, что я слепой? Эта беспокойная черная тень была так близка к тому, чтобы бежать и танцевать под моими глазами, насколько этот человек смотрел вниз на мое зрение?

Сначала он не хотел разоблачать другую сторону, главным образом потому, что хотел увидеть, какое лекарство продавала другая сторона в своей тылке. Вот почему он тайно наблюдал за другой стороной.

Но это было так, как будто другая сторона намеренно пыталась привлечь его внимание темной тенью, рассеянной повсюду.

Бай Лисинь потер лоб: «Линь Цзюэ... должен быть немного нежнее, ты сейчас слишком агрессивен».

«Линь Цзюэ» сел на край кровати, на самом деле серьезно обдумывая предложение Бай Лисиня. Свирепое выражение его лица исчезло, осталась только открытость. — Вот так?

Он действительно принял предложение?

Бай Лисинь: «Кто ты, черт возьми?»

«Линь Цзюэ» задумался на две секунды, прежде чем указать на карманные часы в руке Бай Лисиня: «Я брат».

Брат?

Бай Лисинь нахмурился.

Затем «Линь Цзюэ» сказал следующую вещь, которая удивила Бай Лисиня: «А ты сестра».

— Я давно тебя ищу.

Бай Лисинь: «.....»

Нет, я действительно не сестра.

Я мужчина ростом 185 см, и хотя раньше меня заставляли одеваться женщиной, я действительно не «сестра».

Бай Лисинь открыл карманные часы в руке и указал на маленького мальчика, стоящего рядом с женщиной: «Ты это он?»

«Линь Цзюэ» кивнул головой.

Бай Лисинь: «Сколько тебе лет?»

«Линь Цзюэ»: «Это мое фото в детстве. Мне было 20 лет, когда я умер. Я уже забыл, сколько мне лет».

Бай Лисинь: «А как насчет этого? Это твоя настоящая сестра?»

«Линь Цзюэ» снова покачал головой: «Нет, я нашел ее. У матери не было детей. Меня подобрала, и тебя тоже. Не волнуйся, Брат защитит тебя».

Защитит его?

Вот почему странно выглядящая Линь Цзюэ был там, когда они были «охвачены призраками».

Чтобы спасти его?

Мысли Бай Лисиня вернулись к той «Матери» и тому «Брату Цзя» прошлой ночью. Затем он посмотрел на человека перед собой, который намеренно подавил свою холодную ауру, и спросил с некоторым недоверием: «Ты тот, что был прошлой ночью? Брат Цзя, верно?»

«Линь Цзюэ» на мгновение покраснел, но быстро вернулся в нормальное состояние: «Лучше называть меня просто «Брат».

Бай Лисинь: «.....»

Ты также знаешь, что нельзя говорить «Брат Цзя»? Знаешь, как это было обидно?

Бай Лисинь: «Ты овладел им?»

«Линь Цзюэ»: «День — это не мой мир, поэтому я могу выглядеть только так. Этот человек

увидел мой призрак в камере заключения, и благодаря контракту мы были связаны. Я могу обладать его телом в течение дня».

Он сделал паузу и добавил: «Ночью тоже. Сила моя днем ослабевает, а ночью мне пора».

К этому моменту Бай Лисинь окончательно убедился, что призраком, овладевшим телом Линь Цзюэ, был Ди Цзя.

Просто это было немного странно. Раньше Ди Цзя выглядел свирепым, как злой дух. Почему он был таким послушным сейчас?

Краем глаза он остановился на хрустальном шаре в руке. Внезапно он увидел странный всплеск и красивое флуоресцентное голубое свечение внутри.

Он посмотрел на хрустальный шар, а затем на человека напротив него.

Могло ли быть так, что ненормальность Ди Цзя как-то связана с этим хрустальным шаром в его руке?

Может быть, хрустальный шар может управлять чьим-то разумом?

Сердце Бай Лисиня екнуло. Хрустальный шар в его руке все еще излучал красивое голубое свечение, но Бай Лисинь даже не знал, как он активировал его.

Чтобы проверить свои подозрения, Бай Лисинь положил хрустальный шар обратно в рюкзак.

«Линь Цзюэ», который секунду назад был нежным, как собака, замер на пару секунд, прежде чем выражение его лица вернулось к прежнему резкому и дикому.

Он посмотрел на Бай Лисиня перед собой с испытующим выражением в глазах.

Бай Лисинь неуверенно сказал: «Я не твоя сестра».

«Линь Цзюэ» встал, его взгляд был печальным: «Тебя не было раньше, но ты должен быть сейчас. Мать-призрак защитит тебя, только если ты сестра. Ты понимаешь, что я имею в виду?»

Бай Лисинь был ошеломлен на две секунды.

Вероятно, он понял, что имел в виду Ди Цзя.

Другая сторона знала, что он не его «сестра», но только используя эту личность, он мог не подвергнуться нападению со стороны «матери-призрака», появившейся ночью.

В тот момент, когда хрустальный шар был убран, Линь Цзюэ вернулся к своему прежнему выражению, показывая, что он больше не находится под влиянием хрустального шара.

Более того, он смог без проблем продолжить разговор, а это означало, что у него остались воспоминания о том, что только что произошло.

Но Ди Цзя не выглядел рассерженным из-за того, что он случайно использовал силу хрустального шара.

Какова была точная сила этого хрустального шара?

«Линь Цзюэ будет в порядке, верно?» Хотя он подсознательно верил в характер Ди Цзя, Бай Лисинь все же спросил.

«Линь Цзюэ»: «С ним все будет в порядке, я просто какое-то время владею его телом, он ничего не вспомнит после того, как я уйду».

Бай Лисинь: «Почему ты вселился в Линь Цзюэ?»

«Линь Цзюэ» с другой стороны нахмурился, очевидно посчитав вопрос очень скучным и глупым: «Конечно, чтобы защитить тебя, или ты думаешь, что мне больше нечего делать?»

— Вот я и спрашиваю, почему ты меня защищаешь? Взгляд Бай Лисиня был прикован к мужчине напротив него, но сквозь это тело он увидел другую фигуру.

Этот вопрос смутил призрака через комнату. Он тщательно подумал: «Я не знаю, в тот момент, когда я увидел тебя, голос в моем сердце сказал мне, что этого человека нужно защищать».

Даже если душа расколота, даже если воспоминания потеряны, миссия по защите выгравирована глубоко в душе?

Бай Лисинь вдруг улыбнулся.

Мужчина напротив посмотрел на молодого человека. Его улыбка была такой, как будто ледяная река растворилась в земле, проросло мертвое дерево, а из почвы появились крошечные зеленые ростки.

Вместе с этой улыбкой из сухого и потрескавшегося сердца призрака вырвался и крохотный

росток.

Бай Лисинь: «Последний вопрос, как тебя зовут? Я не хочу называть тебя братом».

Призрак: «Ди Цзя».

Бай Лисинь посмотрел на призрака, погруженного во тьму, и медленно потерял свою улыбку.

Ему было интересно, что случилось с Ди Цзя.

Должно быть, у Ди Цзя были свои воспоминания, когда он впервые вошел в этот игровой мир, и он должен был сразу же узнать его.

Судя по постоянно появляющимся фрагментам, есть большая вероятность, что Ди Цзя решил разделить свою душу.

Потому что каждый появлявшийся осколок в той или иной степени помогал ему в тот или иной момент. Даже если бы эти осколки потеряли память, даже если бы они исходили из каких-то других намерений по отношению к нему, они всегда заканчивали бы тем, что помогали ему.

Ди Цзя на 999-м этаже был основным телом, и по этому, казалось, что Ди Цзя не только предсказал, что он придет в этот игровой мир, но и каждой из копий, в которые он отправится.

Вероятный сценарий заключался в том, что, чтобы помочь ему, Ди Цзя разделил себя, и, вероятно, именно последствия этого разделения вызвали амнезию Ди Цзя.

Более того, Ди Цзя оставил ему очень важное предупреждение о том, что 900-й этаж и выше опасны.

Но только поднявшись на 900-й этаж, он сможет по-настоящему встретиться с Ди Цзя.

В дни своих странствий по мирам он бегал в поисках фрагментов души Ди Цзя.

И теперь, чтобы помочь ему, Ди Цзя решил разделиться.

Бай Лисинь не мог придумать никакой другой причины, по которой «Ди Цзя» появлялся снова и снова по «случайному совпадению».

В этот краткий момент Бай Лисинь внезапно расчувствовался.

Я думал, что буду тем, кто спасет моего мужа, но неожиданно старый злоумышленник всегда будет рядом, чтобы защитить меня.

«Линь Цзюэ» закрыл нос и рот ладонью, его локти упирались в бедра, и были видны только его глаза.

Его глубокие темные глаза молча смотрели на Бай Лисиня через всю комнату. Он не знал, что случилось с молодым человеком в комнате, но его глаза вдруг стали красными и влажными. Казалось, он вот-вот расплачется, но ни одна слезинка не упала из его глаз.

В этих темных глазах внезапно вспыхнул острый свет. Спрятавшись за ладонями, он высунул язык и тайком облизал уголок губ.

Он и сам не мог понять, почему ему пришлось защищать юношу перед ним.

Потому что больше всего он хотел не защитить его, а заставить его плакать.

Прошлой ночью он был в форме призрака и легко пробрался в комнату молодого человека и окружил его своей защитой.

Его тело было теплым, а сердце билось так сильно, что он даже чувствовал направление теплой крови, медленно текущей по телу молодого человека.

Так тепло и так горячо, что он не мог не обнять его.

Их окружали злые духи, но никто не осмеливался прикоснуться к нему. Юноша спокойно лежал у него на руках и принадлежал только ему.

<http://bllate.org/book/14977/1324667>